

ВРЕМЯ

таль составленный им реферат по дѣлу Дреффуса...

— Ничего не знаем.
— Говорятъ, Зола телеграмму посылать собралась.

— Будете вы на бенефисѣ Кшесинскаго?— спросилъ кто-то изъ тучныхъ балетмейстовъ.— Шестидесять лѣтъ проплясалъ, шутка сказать.

— Но знаю, какъ бы достать ложу!

— А вы обратитесь... вотъ, который солонову кушаетъ... Онъ сейчасъ говоритъ, что одна ложа осталась, и самая интересная: нальво—созѣдка-красавица, направо—знаменитый врачъ.

— А какъ цѣна такого райскаго уголка?
— Сто рублей пошлете и довольно.
— Хотите видѣть замѣчательный туалетъ, дамское платье отъ Лаферьеръ, за которое заплачено десять тысячъ франковъ, приходите на завтрашній балъ!—объявилъ громко толстякъ, которому повѣстны всѣ петербургскія тайны.

— Что вы намъ басни рассказываете, какой же это туалетъ? Дю-Варри была знаменитая мотовка, да и то за платье больше этого не платила.

— Самъ счетъ видѣлъ.

— Да что вы, билеты, что ли, на этотъ балъ продаете?

— По пять рублей десять копѣекъ, могу уступить два.

У входной двери я случайно подслушала таинственный пошогъ:

— Въ чужомъ карманѣ деньги считать легко!

— Но вѣдь онъ милонеръ.

— Да, милонеръ, а вотъ векселя его въ три тысячъ видѣть не могли учесть.

— Правда ли это?

— Директора банковъ мнѣ говорили.

Нѣсколько человекъ вышли на улицу и изъ дверей пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Къ часу въ ресторанахъ отъ табачнаго дыма, словно во время сильнаго тумана, никого нельзя было разглядѣть.

ВЫСТАВКА

РУССКИХЪ И ФИНЛЯНДСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ ЗАЛѢ МУЗЕЯ БАРОНА ШТИГЛИЦА.

I.

Мнѣ кажется, что каждый изъ публики, знакомый съ русскимъ искусствомъ и посѣтившій выставку въ музеѣ Штиглица, невольно остановится передъ произведеніями В. Сѣрова, К. Коровина, Ап. Васнецова и Л. Пастернака. Остановившись, онъ невольно задается вопросомъ: почему эти художники выставили здѣсь столько хорошихъ вещей, когда черезъ мѣсяцъ должна открыться выставка Товарищества передвижныхъ выставокъ, гдѣ они до сихъ поръ выставляли и гдѣ даже нѣкоторые изъ нихъ состоятъ членами. Что это значитъ? Неужели же они порвали сношенія съ передвижниками и ищутъ себѣ другого пристанища, или здѣсь они выставили наизышекъ своего творчества, всякую мелочь, незаслуживающую быть на большой, хорошей выставкѣ? Но вѣдь достаточно поглядѣть на прекрасный портретъ великаго князя Павла Александровича, написаннаго А. Сѣровымъ на воздухѣ, со вкусомъ и мастерствомъ первокласснаго художника, чтобы убѣдиться, что подобный выводъ здѣсь не у мѣста. И этотъ портретъ, и другіе два — его же, какъ и очень хорошій этюдъ оловъ, точно такъ же, какъ и нѣкоторые изъ этюдовъ К. Коровина или мотивы для постановки «Хованщины» Аполлинарія Васнецова,—все это художественныя вещи, а не мастерскіе напѣски расхваливаемаго художника, приважнаго къ обоимъ каждому изъ замазаннаго куска холста. Эти произведенія — работа художниковъ безспорно талантливыхъ, вещи несомнѣнно интересные. Ни Сѣровъ, ни К. Коровичъ, ни Ап. Васнецовъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не думаютъ уходить съ передвижки, но, очевидно, имъ тамъ тѣсно. Съ каждымъ годомъ, съ каждой новой выставкой имъ приходится убѣждаться, что на эти выставки ихъ принимать, но могутъ и не принять, что это не есть собраніе картинъ, написанныхъ художниками непосредственно подъ влияніемъ полученнаго ими впечатлѣнія, безъ всякой видней мысли угодить извѣстному кругу пу-

блики,—нѣтъ, эти выставки должны какъ бы продолжать проводить тѣ идеи, тотъ взглядъ на искусство, которые были у нашихъ лучшихъ художниковъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Время идетъ, вмѣстѣ съ людьми и художниками старѣютъ и идеи, они изнашиваются, а подъ влияніемъ всей окружающей насъ жизни, каждый день властвующей въ нашъ разумъ что нибудь новое, еще невѣдомое,—измѣняются и взгляды на искусство; пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ художники увлекались мимологіей, героическимъ и историческимъ эпизодами, классическими красивыми формами; теперь они ищутъ простоты, настроенія, красоты душевной, а не вѣщей. Прежде художники писали при свѣтѣ одного окна, да еще наполнину завѣшаннаго, теперь они ищутъ свой этюдъ на воздухѣ, на солнцѣ или въ такихъ свѣтлыхъ мастерскихъ, о которыхъ наши прадеды и не помнили. Все хорошо въ свое время, и все хороше, если оно будетъ безконечно одно и то же—надобѣтъ. Задача передвижниковъ, постоянно въ своихъ картинахъ бывшихъ по разстроеннымъ нервамъ зрителя и тѣмъ доводившихъ его до полнаго экстаза, въ свое время сдѣлала дѣло, но теперь вся эта тенденція уже отжила свой вѣкъ и кажется наивной, а подчасъ и смѣшной. Среди молодыхъ художниковъ теперь очень мало такихъ, которые гонялись бы за кричащимъ сюжетомъ. Они не смотрятъ на живопись съ точки зрѣнія романтиста или историка, они глядятъ на нее не какъ на средство, а какъ на искусство, какъ на нѣчто такое, что можетъ существовать само собой, своими задачами. Я знаю, что найдется много не согласныхъ съ такимъ взглядомъ на искусство, но объ этомъ уже говорилъ очень много разъ, и не о томъ рѣчь, «что хорошо» и «что дурно». Я говорю только о томъ, что такое направление существуетъ и что почти всѣ najbolше талантливые молодые художники охвачены этимъ движеніемъ.

И вотъ, отъ того, что стѣсняются два такихъ противоположныхъ взгляда, начинается борьба,—борьба, повидному, неравная, но все-таки нетрудно угадать, что не сегодня, такъ завтра ослѣдятъ тѣ, которые какъ будто слабѣе. За старымъ поколѣніемъ осталась правда, положение, они, какъ осаждаемые, сбивлись въ тѣсную кучу, крѣпко держатъ другъ за друга, но сила молодыхъ художниковъ, все еще не могущихъ прійти къ сознанию необходимости сплотиться, растетъ съ каждымъ годомъ, они крѣпнутъ и все громче и громче раздается ихъ глухой ропотъ.

Недовольство «стариками» на передвижной породилось уже давно: то было Рѣпинъ вышелъ изъ состава членовъ товарищества, то выходилъ было Видогуровъ, потомъ ушелъ Холодовскій, наконецъ, передъ нами вышесказанный нѣмой, но очень сильный по мнѣнью протестъ В. Сѣрова, К. Коровина, Ап. Васнецова и др. Они ищутъ оныри и, кажется, нашли ее; они надѣются, да, вѣроятно, и во-очью увидятъ, что нѣтъ надобности выставлятъ на передвижной выставкѣ для того, чтобы публика ходила смотрѣть на ихъ картины. Если не будетъ г. Дягилева, будетъ кто нибудь другой, быть можетъ, ихъ же товарищъ художникъ или, наконецъ, они сами. Последнее, впрочемъ, самое трудное.

Для этого у нашихъ художниковъ мало еще солидарности, мало желанія жить самостоятельно, безъ нынѣ, безъ помочей и, наконецъ, мало у нихъ самолюбія; я не говорю о мелочномъ самолюбіи—его хотѣ отбавлять. Они были не доволны веденіемъ дѣлъ товарищества передвижниковъ, но не рѣшались что-нибудь предпринять, потому что имъ казалось, что въ стѣнѣ передвижной выставки они будутъ совсѣмъ безпріютны. Не будь г. Дягилева, такая нерѣшительность продолжалась бы еще нѣсколько лѣтъ и неизвѣстно когда бы и какъ кончилась. Эти всѣ господа какъ и всѣ прочіе предпочли, чтобы за нихъ думалъ и дѣлалъ все г. Дягилевъ, а они довольны уже тѣмъ, что ихъ пригласили и что у нихъ взяли картины. Почему же они не сдѣлали всего сами, почему имъ нуженъ такой человекъ, который бы все дѣлалъ за нихъ и въ то же время у котораго цолава

возможность послѣ первого же недоразумѣнія не приглашать этого художника въ слѣдующій разъ?—Да, потому, что имъ всякое дѣло кажется ноносильнымъ, потому что они не вѣрятъ въ то, что могутъ сдѣлать что-нибудь собственными силами, они готовы перейти отъ одной зависимости къ другой, но только бы не дѣлать дѣла самимъ. Агадемпическая выставка даетъ тому наглядный примѣръ: не успѣла еще она просуществовать и одного года на хорошихъ, либеральныхъ началахъ, за что наши художники должны бы благодарить новую Академію, какъ уже пошли какія-то непонятныя дѣла, легко могущія привести къ распаденію и безъ того не очень-то сильнаго кружка художниковъ. Уже и теперь въ сколыю группѣ, вмѣющіе своихъ коноводовъ, устраиваютъ отдѣльныя совѣщанія, разсчитываютъ всѣ дѣла этихъ выставокъ вести по-своему, зовутъ однихъ, и въ то же время не приглашаютъ другихъ и даже даютъ «полномочія», заботятся не объ общемъ дѣлѣ, не о томъ, чтобы сохранить чрезвычайно симпатичный принципъ устройства большой выставки самими художниками безъ посторонняго вѣшатательства, а о томъ, чтобы въ самомъ же началѣ его подорвать!

Сама по себѣ выставка русскихъ и финляндскихъ художниковъ, какъ я уже говорилъ, очень интересна. Помпю вполнѣ хорошихъ вещей, которымъ мѣсто на любой выставкѣ, какъ, напримѣръ, работы уже названныхъ художниковъ, а также В. Пурвита, Александра Бенуа, Рябушкина, здѣсь много такого, что едва ли можно было бы видѣть на всякой другой выставкѣ. Это именно тѣ произведенія, въ которыхъ сказывается художникъ больше всего,—это его этюды, въ которыхъ сразу видно то, что оставило его вниманіе. Посмотрите этюды К. Коровина, гдѣ онъ такъ мастерски схватилъ эффектъ освѣщенныхъ газомъ парижскихъ бульваровъ или сумеречное освѣщеніе въ одномъ изъ важныхъ французскихъ портовъ, обратите вниманіе на акварельный этюдикъ В. Сѣрова «Въ горахъ», гдѣ такъ чудно передаетъ мотивъ горъ, съ которыхъ сплзаютъ тучи, закрывая вдаль стоящій аулъ, стада овецъ и гдѣ такъ правдива группа пѣшаго и коннаго горца, прывыкшихъ ко всѣмъ этимъ эффектамъ и спокойно говорящихъ о своихъ маленькихъ дѣлахъ. Развѣ такія не законченныя вещи найдутъ себѣ мѣсто на какойнибудь выставкѣ,—конечно, если только ихъ авторъ не одинъ изъ запропавшихъ на оборотной сторонѣ ея рамы красный крестъ и пойдутъ искать тѣхъ прилизанныхъ холстиковъ, отъ которыхъ всегда такъ сильно вѣетъ бездарностью. Конечно, не каждый такой этюдикъ—перлъ; далеко не всѣ этюды Я. Пюганскаго или Ф. Боткина заслуживаютъ быть выставленными, но ихъ появленіе даетъ мѣсто и этюдамъ Коровина, Сѣрова, Сомова, Малюткина, Браза и др.

И. Пранченко.

ВЪ ЗАЩИТУ АИСТОВЪ.

Наднякъ мую получено письмо, въ которомъ сообщается, что Общество любителей охоты Гродненской губ., въ одномъ изъ изъ прологодныхъ своихъ засѣданій, постановило истребить аистовъ, какъ птицъ, причиняющихъ вредъ охотѣ—разореніемъ гнѣздъ большахъ птицъ, убиваемыхъ молодыми зайчатъ и т. п. «Вслѣдствіе этого постановленія, — говорится въ письмѣ, — наступила въ прошломъ году расправа съ бѣдными аистами; болѣе усердные исполнители приговора пострѣляли ихъ съ ожесточеніемъ, разстрѣливали ихъ, гдѣ ихъ только ни встрѣтили—въ гнѣздахъ, на поляхъ, на лугахъ, повсюду, къ великому негодованію народа, который любитъ эту птицу, устраиваетъ ей гнѣзда въ своихъ усадьбахъ, радуется прилету ея, считая ее вѣстникомъ тепла. Такимъ образомъ погибло множество; нѣрдко встрѣчались скучные одиночки, поблѣше птенцы въ гнѣздахъ; къ отлету ихъ, въ августѣ, не видно было большахъ стадъ, въ которыхъ они обыкновенно собираются». Далѣе въ письмѣ обращается ко мнѣ отъ имени «многочисленныхъ почитателей этой рѣдкой и красивой птицы», съ просьбой сообщить мое мнѣніе (въ «Нов. Врем.»), сообразливо ли постановленіе любителей